

Дверь комнаты со скрипом отворилась, и в нее вошли мужчина и женщина. Походка у обоих была неуверенной — очевидно, боевыми искусствами они не владели. Чу Цзюсюй осторожно приоткрыл щель и выглянул наружу. Вошедшими оказались Чжоу Цзыхэн и какая-то полуобнаженная женщина. От Чжоу Цзыхэна за версту разило ветреностью, и в этом гуляке было совершенно невозможно узнать человека, о котором Вдовствующая императрица Чжоу отзывалась как о начитанном и образованном.

Чу Цзюсюй вдруг почувствовал холод в запястье: что-то прохладное обвилось вокруг его руки, поползло вверх по плечу и шмыгнуло за пазуху. От этого ощущения тело Чу Цзюсюя мгновенно оцепенело.

Змея! Настоящая змея!

Заметив странное поведение Чу Цзюсюя, Цзин У шепнул ему на ухо:

— Не бойся, Чуньнин тебя не укусит.

Разве дело в том, укусит она или нет?! И без того было странно, что регент великой страны и государственный наставник заявили в «Лефан» подслушивать чужие разговоры, так его еще и атаковала змея. Хорошо хоть он мужчина, а не девица — иначе, если бы какая-то змея облапала его за грудь, ему бы потом на глаза людям показаться было стыдно.

Чу Цзюсюй был близок к тому, чтобы окончательно потерять самообладание из-за этой парочки — хозяина и питомца. Ему уже и на любовные игры Чжоу Цзыхэна с женщиной смотреть расходовалось. Он с самого начала знал, что этот монах Цзин У — сплошное несчастье для его судьбы!

Цзин У просунул руку за пазуху Чу Цзюсюю и нащупал его теплую, гладкую кожу. В темноте кончики ушей Цзин У, обычно похожие на белый нефрит, ярко заалели.

Чу Цзюсюй едва сдержался, чтобы не вцепиться Цзин У оплеуху. Воистину, из Храма Защиты Государства никогда не выходит ничего доброго — ни люди, ни твари! Чу Цзюсюй приподнял ногу и со злостью наступил назад.

Лицо Цзин У в темноте слегка изменилось. Проигнорировав боль в подъеме стопы, он еще немного пошарил у Чу Цзюсюя на груди, после чего вытащил наружу маленькую серебристо-белую змейку, ухватив ее за шею. Стоило Чуньнин покинуть грудь Чу Цзюсюя, как оба облегченно выдохнули, а регент милосердно убрал ногу.

Змейка высунула раздвоенный язычок и обвилась вокруг запястья Цзин У. Чу Цзюсюю сейчас хотелось лишь одного — оказаться как можно дальше от этого человека и змеи, но теснота тайника обрекала его желания на провал.

Цзин У придвинулся к самому уху Чу Цзюсюя и прошептал:

— Послушай.

Только тогда Чу Цзюсюй заметил, что, хотя в комнате все еще раздавались сладкие, вязкие стоны женщины, дыхание Чжоу Цзыхэна куда-то пропало. Чу Цзюсюй приоткрыл дверь на дюйм: на кровати осталась лишь растрепанная женщина, а сам Чжоу Цзыхэн бесследно исчез.

Чу Цзюсюй толкнул деревянную створку и вышел, Цзин У последовал за ним по пятам. Только теперь, при свете лампы, удалось разглядеть наряд Цзин У: он сменил белые монашеские одежды на черное одеяние ночного лазутчика, а на запястье у него по-прежнему висели четки и обвивалась крошечная, толщиной с большой палец, серебристо-белая змейка. Увидев ее, Чу Цзюсюй поспешно шагнул в сторону, стараясь держаться как можно дальше.

Заметив реакцию Чу Цзюсюя, Цзин У подхватил Чуньнин и спрятал за пазуху.

Этот ван — вовсе не слепец!

Выражение лица Чу Цзюсюя было непередаваемо!

Цзин У подошел к кровати. Лицо женщины покраснело от возбуждения, одежда была сбита, обнажая белую грудь наполовину. Она извивалась на постели, издавая томные, изнуряющие стоны.

Чу Цзюсюй презрительно цыкнул и язвительно бросил:

— Государственный наставник, подобает ли тебе, монаху, глазеть на эти непотребства? Или все монахи из Храма Защиты Государства такие же лицемеры, как ты? Мм?

В тот же миг Цзин У нажал на какое-то место у изголовья кровати. Раздался щелчок, и половина деревянного настила провалилась вниз, обнажая черный зев прохода. Цзин У поднял на Чу Цзюсюя свои невозмутимые черные глаза.

Чу Цзюсюй: «.....»

— Этот ван ничего не говорил. Тут просто пролетала какая-то невоспитанная птица и несла чужь, я ее и прогнал.

Цзин У: «.....»

Слов не нашлось!

Проигнорировав красноречивое молчание Цзин У, Чу Цзюсюй шагнул в проход. Цзин У согнулся и последовал за ним. Проход оказался узким — как раз на одного человека, — но на некотором расстоянии друг друга висели светильники, ярко освещавшие дорогу.

Оба синхронно замедлили шаги. Чу Цзюсюй поднялся по ступеням и бесшумно приподнял тонкую каменную плиту наверх. Оттуда отчетливо доносились голоса и слабый, едва уловимый запах, напоминающий благовония.

Цзин У протянул руку и обнял Чу Цзюсюя за талию, останавливая его. Он достал пилюлю, поднес к губам Чу Цзюсюя и молча жестом велел проглотить ее.

Побывав в сомнениях лишь мгновение, Чу Цзюсюй послушно проглотил пилюлю. Старые лысые ослы из Храма Защиты Государства уже не раз вытаскивали его с того света, да и Цзин У за эти годы помогал ему неоднократно — если бы тот захотел его отравить, у него было предостаточно возможностей.

Цзин У разжал руку, и Чу Цзюсюй первым поднялся наверх.

Чжоу Цзыхэн сидел на стуле за ширмой, от бывшей ветрености на его лице не осталось и следа. На столе перед ним стояли два небольших сундучка: в одном доверху лежало золото, а в другом — пачки серебряных банкнот.

Хозяйка борделя улыбнулась во весь рот:

— Все вырученное за этот месяц — здесь.

Чжоу Цзыхэн бросил взгляд на сундуки:

— Не заглядывал ли сюда в последнее время кто-нибудь посторонний?

Хозяйка поспешно ответила:

— В «Манфанло» каждый месяц кто-то нос сует, но вы можете быть спокойны, молодой господин, здесь ничего выведать не удастся. К тому же все девушки в нашем заведении принимают гостей по собственной воле — по сравнению с другими вы, молодой господин, проявляете редкое милосердие.

Лицо Чжоу Цзыхэна оставалось холодным и суровым:

— А не интересовался ли кто-нибудь моими делами?

— Интересовался, — тут же отозвалась хозяйка. — Приходили двое в масках, расспрашивали о ваших привычках и о том, какие девушки вам нравятся. Поскольку вас не было, я ответила им ровно так, как вы мне и наказывали.

— Больше ничего не спрашивали? — Чжоу Цзыхэн нахмурился, в его взгляде промелькнуло недовольство.

Хозяйка осторожно пояснила:

— Еще спрашивали, предпочитаете ли вы слушать музыку или смотреть танцы, и обслуживает ли вас одна девушка или несколько.

Чжоу Цзыхэн нахмурился, погрузившись в раздумья. Он никак не мог взять в толк, что особенного было в этих двух вопросах:

— Вы знаете, кто эти двое?

— Рабыня не знает. Оба были в масках, лиц не разглядеть, да и одежда самая обычная, ничем не примечательная.

Чжоу Цзыхэн прищурился:

— А евнухов среди них не было?

Лицо хозяйки едва заметно изменилось:

— Разговаривал всегда тот, кто держался более надменно, а вот второй, по мнению рабыни, на евнуха совсем не походил — скорее на телохранителя.

— Я понял. Объявите в «Манфанло» усиленный режим. Передайте всем в доме: принимать гостей можно, но продавать тело — нет, — голос Чжоу Цзыхэна звучал тяжело. — Во избежание неприятностей с чиновниками связываться пока прекратите.

— Рабыня поняла.

За ширмой лицо Чу Цзюсюя побелело. Цзин У мертвой хваткой сжимал Чуньнин, и та нервно извивалась и скручивалась в его ладони.

Чжоу Цзыхэн встал и захлопнул крышки сундуков:

— Как бы то ни было, в ближайшее время действуйте предельно осторожно.

Чу Цзюсюй и Цзин У бесшумно вернулись прежним путем. Едва они отошли, как Чжоу Цзыхэн откинул половицу и вышел из тайника. Глядя на туманный, затуманенный взгляд женщины, он достал пилюлю и заставил ее проглотить. Женщина тут же затихла и потеряла сознание.

Как только они покинули «Манфанло», силы оставили Чу Цзюсюя. Его тело пронзило ощущение, будто тысячи мягких иголок впиваются в плоть, ноги подкосились, и он чуть не рухнул на колени. Цзин У вовремя подхватил его под руки. В лунном свете он отчетливо разглядел пот, заливший лицо Чу Цзюсюя, и его смертельную бледность.

Чу Цзюсюй с мрачным видом процедил:

— Сегодня ведь не пятнадцатый день луны. Неужели дело в тех благовониях?

Цзин У коротко бросил:

— Да. Это гу-благовония, крайне редкие.

Чу Цзюсюй холодно хмыкнул:

— Этот негодяй Чжоу Цзыхэн наверняка подстраховывался против тебя, а пострадал в итоге этот ван!

— Прости, — без тени сомнений извинился Цзин У.

Чу Цзюсюй оттолкнул его руки:

— Этот ван еще жив! Чего ты поддерживаешь? Вот когда я действительно помру, я окажу тебе великую честь — позволю лично внести мой гроб в могилу.

Цзин У с абсолютно невозмутимым видом убрал руки. На его лице не отразилось ни единой мысли, роившейся в голове. Он молча следовал за Чу Цзюсюем, вовремя подхватывая того, когда ноги начинали подкашиваться, и стоило Чу Цзюсюю выровнять шаг, тут же отпускал его — исключительно чутко и деликатно.

В конце концов Чу Цзюсюй окончательно выбился из сил, и Цзин У пришлось нести его на спине до самого Зала Минхэ.

Чу Цзюсюй лежал на полу, полностью обнаженный, в то время как его спина была сплошь утыкана серебряными иглами. По голой коже от плеч до самого копчика змейками вились выпуклые багровые меридианы, выглядевшие пугающе жутко. С каждым разом процесс ускорялся: если раньше они появлялись лишь точками, то теперь захватывали огромные пространства. Если эти красные жилы оплетут все тело, спасти Чу Цзюсюя уже никто не сможет.

Цзин У принес миску с отваром, и Чу Цзюсюй, не меняя выражения лица, осушил ее до дна. Цзин У платком вытер пот с его лба и тихо сказал:

— Остался еще один час. Потерпи немного.

Приступам этого Червя Гу было свойственно повторяться с неумолимостью женских схваток — здесь нельзя было заменить человека, и оставалось только терпеть. Лежа на животе, Чу Цзюсюй чувствовал такую боль, что у него не было сил даже говорить.

Когда муки наконец утихли, серебряные иглы по одной извлекли из его тела. Погрузившись на

полчаса в целебную ванну, Чу Цзюсюй почувствовал, что наконец-то вернулся к жизни.

Он поднялся из деревянной кадки, оделся, и лишь тогда Цзин У, стоявшая все это время отвернувшись, повернулся к нему.

Чу Цзюсюй презрительно усмехнулся:

— Чего ты отворачиваешься? Какая часть моего тела тебе еще не знакома? Будь я девицей, тебе пришлось бы жениться на мне бесчисленное количество раз. Разве не поздно вспоминать о приличиях?

У Цзин У испокон веков был ангельский характер — несмотря на язвительные насмешки этого неблагодарного мерзавца, он ничуть не сердился.

— Останешься ли ты ночевать в Зале Минхэ?

Чу Цзюсюй поспешно замахал руками:

— Нет-нет. Пойду перекантуюсь в покои императора.

Он вовсе не горел желанием проснуться с утра и уткнуться взглядом в ядовитых змей, насекомых и скорпионов — в Зале Минхэ нормальным людям жить было невозможно.

Цзин У не стал настаивать.

Облачившись в одежды, Чу Цзюсюй напрямик направился в императорские покои. Он действительно смертельно устал от той цепкой серебристой змеи, которую развел государственный наставник.

Евнух Пань встретил его с легким удивлением:

— Ваше Высочество!

Чу Цзюсюй махнул ему рукой, приказывая молчать, и сам направился напрямик к купальне.

Чу Лань обладал чутким слухом и все же проснулся. Зевая, он вошел в купальню, как вдруг ему прямо в лицо прилетел банный халат. Сонливость Чу Ланя слетела в одно мгновение:

— Дядя.

Чу Цзюсюй забрался в бассейн:

— Иди сюда, потри мне спину.

Чу Лань снял верхнюю одежду, обнажая все еще хрупкую, худую грудь, забрался в воду к Чу Цзюсю и принялся тереть ему спину. Заметив нагромождение багровых меридианов, он нахмурился:

— Почему они снова разрослись?

— Сегодня ночью я ходил в «Манфанло» и по неосторожности угодил в ловушку. За кулисами этого борделя стоит Чжоу Цзыхэн, обрати особое внимание на поместье маркиза Чжэньчжэня, — произнес Чу Цзюсю.

Выговор

Чу Лань нахмурился:

— Чжоу Цзыхэн?

Чу Цзюсюй приоткрыл глаза:

— Кто предложил императрице выбрать Чжоу Цзыхэна в мужа великой принцессе?

— Расспрошу матушку, как только рассветет, — прищурился Чу Лань. — По идее, проворачивая такие дела, Чжоу Цзыхэну следовало бы вести себя как можно тише. С чего бы поместью маркиза Чжэньчжэня вздумывать родниться с великой принцессой? Неужели у кого-то там появились дурные мысли?

— Скорее всего. Приставь людей следить за тем, кто проболтался, и удели этому человеку побольше внимания. Раз он так поступает, значит, преследует какую-то цель — перетянуть его на нашу сторону будет несложно, — Чу Цзюсюй закрыл глаза, погружаясь в дремоту.

Кончики пальцев Чу Ланя коснулись багровых вен, и, словно обжегшись, он испуганно отдернул руку:

— Я понял.

Услышав тяжелый, заложенный нос Чу Ланя, Чу Цзюсюй нахмурился и отчитал его:

— Через год тебе исполнится шестнадцать, а ты все шмыгаешь носом, как девчонка, любишь поплакать по пустякам. С государственным наставником и со мной этот ван проживет еще года два-три без проблем. К тому времени ты уже пройдешь обряд совершеннолетия — перестань вести себя как недокормленный ребенок!

Чу Лань поднял руку и вытер слезы:

— Я не позволю дяде умереть! Подумаешь, Обездруживающая Жемчужина... Не верю, что ее нельзя отыскать, задействовав всю мощь государства.

Взгляд Чу Цзюсюя ожесточился:

— Ваше Величество! Ты — император Чуцзина, сейчас страна со всех сторон окружена внутренними и внешними угрозами, как ты можешь предаваться капризам?! Выбрось из головы эти несбыточные фантазии. Тебе скоро шестнадцать, ты больше не маленький ребенок.

Чу Цзюсюй повернулся к нему лицом и уставился на покрасневшие глаза Чу Ланя:

— Я старше тебя на двенадцать лет, и в любом случае уйду раньше. Даже если мое здоровье будет крепким, и я проживу еще пару десятков лет, я все равно умру раньше тебя. Через это неизбежно приходится проходить, просто сейчас все случилось чуть раньше.

Чу Цзюсюй протянул руку и стер слезы с лица Чу Ланя:

— Твой император-отец скончался прямо на глазах у твоего дяди, и тогда мне казалось, что небо рухнуло наполовину. А прошло три года — и умер твой дед. Твой дядя провел тебя через все это шаг за шагом. Оглядываясь назад теперь, понимаешь, что в этом нет ничего страшного. К тому же этот ван еще не факт, что непременно умрет — а вдруг повезет, и я проживу еще долго? Плакать сейчас определенно слишком рано.

Чу Лань вытер лицо:

— Я понял. Я не разочарую дядю.

Чу Цзюсюй встал и вытерся насухо:

— С завтрашнего дня каждый день занимайся с государственным наставником по часу. Больше я тебя учить не буду.

— Почему? — Чу Лань вцепился в полу халата Чу Цзюсюя. — Или я в чем-то оплошал?

Чу Цзюсюй вздохнул:

— Пока твой дядя жив, ты не знаешь забот и тревог. Только теперь я понял: пока я нахожусь рядом, ты никогда не повзрослеешь. Но я не могу защищать тебя вечно.

Чу Цзюсюй высвободил свою руку из хватки Чу Ланя и зашагал к драконьему ложу.

Чу Лань так и остался стоять на месте, тупо глядя себе под ноги — неизвестно, о чем он только думал.

К нему подошел евнух Пань:

— Ваше Величество!

Чу Лань поднял голову и снова смахнул слезы:

— Дядя отправляет меня к государственному наставнику... неужели он больше не хочет меня видеть?

— С чего Вашему Величеству так думать? — мягко произнес евнух Пань. — Здоровье регента сейчас пошатнулось, так что чем усерднее Ваше Величество будет учиться, тем меньше поводов для тревог останется у регента. Достигнув успехов в учебе, регент непременно обрадуется.

Чу Лань шмыгнул носом:

— Ну ладно... Завтра же пойду к наставнику.

На следующий день, объявленный выходным, Чу Цзюсюй тайком выскользнул из дворца и вернулся в собственную резиденцию.

Чу Лань с самого утра отправился в Дворец Цианьань навестить императрицу:

— Сын приветствует матушку.

Увидев его, Вдовствующая императрица Чжоу тут же расплылась в улыбке:

— Ты, должно быть, еще не завтракал, император? Давай-ка поедим вместе со мной.

Чу Лань помог Вдовствующей императрице дойти до стола и усесться. На столе стояло восемь блюд — все сплошь постные, и для Чу Ланя, который в период бурного роста предпочитал сытное мясо и рыбу, в этой еде не было ни капли жира.

Наевшись досыта, Чу Лань поинтересовался:

— Матушка, чья это была идея — выдать Чжоу Цзыхэна замуж за великую принцессу?

— Разумеется, я сама до этого додумалась, — недовольно протянула Вдовствующая императрица Чжоу.

Чу Лань нахмурился:

— Матушка, подумайте хорошенько.

Вдовствующая императрица опустила глаза, погрузившись в раздумья:

— Ах да, вспомнила! Это старая нянька как-то вскользь обмолвилась, и тут мне пришло в голову, что Цзыхэну в этом году уже восемнадцать, а он до сих пор не женат.

— Служанки в моих покоях вечно какие-то неловкие и неуклюжие. Я бы хотел одолжить у матушки эту няньку на время, чтобы она как следует отучила их от дурных привычек и заставила соблюдать порядок, — Чу Лань озарил Вдовствующую императрицу лучезарной улыбкой. — Как матушка на это смотрит?

Чу Лань с самого детства был ближе всех к Чу Цзюсюю, и Вдовствующая императрица, ослепленная этой редкой, ослепительной улыбкой, сразу же сдалась:

— Да разве ж это проблема? Бери хоть на сколько, забирай.

Улыбка Чу Ланя стала еще слаще:

— Сын премного благодарен матушке.

Чу Цзюсюй сидел за столом и с нахмуренным видом разглядывал поданную ему тарелку с миниатюрными мясными вонтонами:

— Ван-ван, с каких это пор в резиденции сменился повар?

Евнух Ван поспешно ответил:

— Это стряпун, которого Вашему Величеству пожаловали соизволением вчера утром. Его семья из поколения в поколение служила при императорской кухне, а уж блюда из мяса у него выходят просто отменными.

Поколебавшись немного, Чу Цзюсюй все же не притронулся к вонтонам — съел пару овощных булочек, выпил миску овощного супа-каши и отложил палочки.

В глазах евнуха Вана промелькнуло разочарование.

Заметив выражение лица евнуха Вана, да к тому же помня, что повар был подарком от Чу Ланя, Чу Цзюсюй помедлил, но все же взял ложку. Он попробовал один вонтон — никакого привкуса сырого мяса не ощущалось. Съев три штуки, он прекратил трапезу.

Евнух Ван пришел в неописуемый восторг:

— Наградить!

Чу Цзюсюй потерял дар речи при виде чуть ли не рыдающего от счастья евнуха Вана: подумаешь, съел три вонтона, с чего разводить такую бурю, будто он приговорил целый мясной пир?

Сам евнух Ван понятия не имел, о чем думает Чу Цзюсюй: раз сегодня удалось осилить три вонтона, значит, завтра можно съесть четыре, послезавтра — пять! Если дело пойдет на мясо, то до дня, когда Чу Цзюсюй наконец начнет поправляться, уже недалеко!

Чу Цзюсюй прервал воздушные замки евнуха Вана:

— Как поживает вторая принцесса в эти дни?

После того как Чу Лин очнулась от действия яда, Чу Цзюсюй привез ее в свою резиденцию и приставил к ней самую строгую дворцовую наставницу для обучения манерам. Прошло уже пять дней, должен же быть хоть какой-то результат?

Евнух Ван понизил голос:

— С виду вторая принцесса стала намного послушнее.

Подразумевалось, что на людях она послушна, а за глаза остается прежней.

Чу Цзюсюй нахмурился:

— Пойдемте, проведем ее.

Чу Лин в последние дни познала все прелести жизни: манерам и осанке следовали неукоснительно, за малейшую оплошность ее ждали наказания и брань, а в рационе оставались лишь одни травы да редька. Лицо Чу Лин побледнело, она заметно осунулась, а рука ее ожесточенно выводила строчки наказания.

Позади стояла пожилая наставница с мерной линейкой в руках, ее лицо было суровым и бесстрастным.

Чу Цзюсюй переступил порог и поморщился, глядя на изнуренный вид Чу Лин.

Чу Лин встала и покорно поприветствовала его:

— Приветствую дядю.

Чу Цзюсюй издал неопределенный звук и спросил:

— Осознала ли ты свою вину?

Все благолепие Чу Лин тут же улетучилось от одного этого вопроса:

— Дядя, разве есть что-то дурное в том, чтобы добиваться взаимности от любимого человека?

Выражение лица Чу Цзюсюя не изменилось:

— То есть ты считаешь, что не виновата?

— А в чем моя вина?! — с вызовом выпалила Чу Лин. — Он не женат, я не замужем, я просто добиваюсь того, кто мне нравится!

Евнух Ван придвинул стул, и Чу Цзюсюй, широко расставив ноги, уселся на него, с усмешкой глядя на не раскаивающуюся племянницу:

— Желать кого-то — не преступление. Но даже если забыть о том, что Цзин У — монах, который не берет в жены никого, допустим, он бы женился — неужели ты думаешь, что ты ему нравишься? Посмотри на знатных девиц столицы — кто из них, подобно тебе, утратив всякий стыд и понятия о приличиях, в одиночку тащится в покои мужчины? Знаешь ли ты, какова будет твоя участь, если об этом поступке станет известно посторонним? Когда ты совершала это, думала ли ты о своей старшей сестре Чу Юань?

Под воздействием слов Чу Цзюсюя лицо Чу Лин постепенно бледнело.

Голос Чу Цзюсюя звучал холодно и жестко:

— Нет, не думала! Ты эгоистично заботилась лишь о собственной шкуре! Общество безжалостно к женщинам, и как только подобный слух поползет, можешь забыть о том, чтобы выйти замуж за достойного человека!

— Но... но ведь... — не желала сдаваться Чу Лин. — Знатные столичные девицы тоже часто посещают банкеты и видятся с посторонними мужчиной лицом к лицу!

— То совсем другое! На банкетах рядом находятся отцы, братья или матери, на худой конец — служанки. А ты? — рявкнул Чу Цзюсюй. — Кому не известно, что государственный наставник не выносит шума и в Зале Минхэ живет в полном одиночестве? Ты, молодая девушка, врываешься туда — да будь у тебя хоть сто языков, ты не сможешь оправдаться! К тому же, разве твое поведение похоже на поведение той, за которой нет греха?

Чу Лин судорожно сжала подол платья:

— Он ведь еще не постригся в монахи окончательно... Разве нельзя заставить его жениться на мне?

Чу Цзюсюю захотелось размозжить себе голову о стену.

— Почему до тебя никак не дойдет? Посмотри на принцесс Дали и Чицзиня — разве кто-то из них позволяет себе подобные вольности? Даже в самые тяжелые времена этот ван и помыслить не смел о том, чтобы использовать вас ради какой-то выгоды или выдавать замуж по расчету ради политических союзов! Неужели ты не можешь дорожить тем покоем, который оберегают твой императорский брат и твой дядя, и просто выйти замуж за нормального человека, чтобы

жить спокойной, счастливой жизнью?

Лицо Чу Лин побледнело, она теребила в руках шелковый платок:

— Я люблю только наставника, остальные мне и даром не нужны.

Похоже, в этой жизни мне больше не суждено обзавестись дочерьми. Иметь такую дочь — верный способ сократить собственную жизнь лет на тридцать.

мрачно произнес Чу Цзюсюй:

— И Вэнь, принеси те любовные романы, которые приглянулись принцессе. Этот ван хочет лично взглянуть, что за нечисть заморочила голову Чу Лин.

Вскоре И Вэнь вошел в комнату, держа в охапке добрых семь-восемь томов:

— Ваше Высочество, это лишь малая часть.

Малая часть!

<http://bllate.org/book/21929/2278345>